

УДК 821.111

ЭРКЮЛЬ ПУАРО, ИНОСТРАНЦЫ И ПУТЕШЕСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АГАТЫ КРИСТИ

Богатырев А.В.

Автор ищет ответ на вопрос как зарождался замысел ряда произведений Агаты Кристи? В статье приводятся неотмеченные ранее примеры, показывающие связь творчества романистки с эпизодами из ее биографии. Указаны литературные влияния, доказывається, что появление и развитие образа Эркюля Пуаро, сложного и противоречивого, происходило под воздействием спектра факторов. Изображая иностранцев, Кристи обращает внимание на их отличие от англичан и, в случае экзотических народов, от европейцев в целом. Тема путешествия принимает у нее разные формы, географический элемент ярко проявляется в фамилиях героев. Люди сравниваются с животными и неодушевленными предметами, их имена отражают общую идейную концепцию произведения. Творчество писательницы достаточно метафорично, что придает многим произведениям Кристи почти философское звучание.

Ключевые слова: Пуаро Агаты Кристи, Джейн Марпл, детектив, «свои» и «чужие», путешествия, история, миф и сказка, мистика, символика.

HERCULE POIROT, FOREIGNERS AND TRAVELING IN THE WORKS BY AGATHA CHRISTIE

Bogatyrev A.V.

The author is looking for an answer of the question how there was born an idea in a number of works by Agatha Christie. The article provides examples that were not mentioned earlier, showing the connection of the novelist's work with episodes from her biography. Literary influences are indicated, it is proved that the appearance and development of Hercule Poirot's image, complex and contradictory, occurred under the influence of a range of factors. Portraying foreigners, Christie draws attention to their difference from the British and, in the case of exotic peoples, from Europeans in general. The traveling theme takes different forms from the novelist, the geographical

element is manifested in the surnames of the heroes. People are compared by Christie to animals and inanimate objects, their names reflect the general ideological concept of the work. The writer's creativity is quite metaphorical which gives much of Christie's works an almost philosophical sound.

Keywords: Agatha Christie's Poirot, Jane Marple, detective, "own" and "others", traveling, history, myth and fairy tale, mystique, symbolism.

Ушедшее XX столетие отметилось поворотными изменениями, имели место судьбоносные сдвиги. Эти явления не могли не тревожить писателей, например, Агату Кристи (1890-1976). Исторические события породили целую волну переселенцев, бежавших от революций и войн. Среди них оказался и бельгиец, присутствующий в значительном числе произведений Кристи – Эркюль Пуаро. Его образ и окружение мы детально анализировали в изданной весной 2021 г. «Энциклопедии Эркюля Пуаро». Некоторые затронутые в ней проблемы (антисемитизм, кулинария, суицид [1, с. 71, 98, 177-178, 196 и пр.]) были подняты в составленной по энциклопедическому принципу работе Джеймса К. Бернталя «Agatha Christie: A companion to the mystery fiction» [17, p. 47, 59, etc.]. Постараемся, насколько это возможно, прояснить отдельные моменты возникновения и бытования персонажа, посмотрим, как изображала «чужое» леди Агата.

Для начала осветим некоторые вопросы, связанные с характером героя. Как известно, Пуаро любил сладкое – излюбленным его лакомством была «ромовая баба» [10, с. 104] (продолжая кулинарную тему, заметим – шутка с омаром в романе «Лощина» повторяет эпизод с лобстером из жизни самой Кристи [12, с. 352; 4, с. 314]). Склонным к злоупотреблению алкоголем бельгийца назвать нельзя, но намек на чрезмерное увлечение шампанским все же имеется [10, с. 31]. Пуаро тщательно следил за внешностью: в «Хикоридикори» предположили, что ему известен салон красоты «Сабрина Фер» [13, с. 16]. Сыщик разбирался в косметике, вишневый цвет помады приписывал брюнеткам [5, с. 165], знал толк в духах: в «Пяти поросятах» отмечено

отвращение, вызванное пристрастием детектива к ароматам – этот тип душился [1, с. 157]!

По поводу гендерной идентичности: в «Смерти лорда Эджвера» сыщик предполагал изобразить Кармен [10, с. 65], а в экранизации «Убийства в Восточном экспрессе» 1974 г. Пуаро в исполнении Альберта Финни пользуется кремом для рук. В «Пуаро Агаты Кристи» (эпизод по рассказу «Затерянный прииск») детектив «выигрывает» в конкурсе красоты. Отсутствие маскулинности заметно в жестуляции экранного сыщика, в его позе – если мужчины обычно предпочитают расставлять ноги, или закидывать одну на другую, бельгиец их обычно сводит вместе.

Но Пуаро отнюдь не гоняется за модой – в серии «Убийство в Мьюзе» (рассказ опубликован в декабре 1936 г.) «Пуаро Агаты Кристи» ему даже делают замечание: в Великобритании времен безусого короля Эдуарда VIII не носили усов. Усы – неотъемлемая часть имиджа бельгийского сыщика. Эта деталь интересно обыгрывается у Кристи: Пуаро уподобляет себя объектам с «усами», например, барометру со стрелкой [8, с. 138], а в «Лощине» на сыщика намекают «шпионящие» усатые тараканы [12, с. 392] (в «Убийстве в Месопотамии» детектив действительно играет в насекомое [9, с. 147]). Волосяное украшение – не просто вычурный декор, усы помогают Пуаро в расследовании, располагая свидетелей к откровенности [12, с. 324].

Несмотря на признаки мужского пола, многое в облике Пуаро связано с женским концептом. Так, пенсне, которое сопровождает сыщика в «Пуаро Агаты Кристи», на самом деле было позаимствовано у мисс Лемон [13, с. 12]. Знаменитая приверженность бельгийца симметрии – черта Кристи, не любившей, например, горы из-за их геометрически-несовершенных очертаний [4, с. 479]. Немалое влияние на образ сыщика оказала мать писательницы с ее феноменальной интуицией и наблюдательностью [4, с. 10, 14, 87]. С другой стороны, «женские» занятия, например, вязание вызывали у детектива раздражение [9, с. 465] – похоже, мисс Марпл в этом отношении ему бы не слишком понравилась.

Для Пуаро важна не только интуиция. Сыщик часто говорит о методе, он, как и ученые, ставит эксперименты – в «Загадочном происшествии в Стайлзе», «Трагедии в трех актах», «Картах на столе» и пр. Все это придает его облику оттенок «научности», в «Большой четверке» люди науки названы «яйцеголовыми» [6, с. 43]. Манерами Пуаро напоминает чудаковатого ученого (вспомним его ребячества в романе «Часы»). Кстати, в «Смерти лорда Эджвера» Пуаро становится слушателем лекции, в которой упоминался Альберт Эйнштейн [10, с. 108]. В самом деле, время Кристи – эпоха прорывов в науке, время, когда были выдвинуты специальная и общая теория относительности.

Занимаясь собственной личной жизнью, писательница настроила на «брачный» лад и своего героя [6, с. 190]. Правда, как мы знаем, он так и остался неженатым подобно брату Кристи – Монти. В пассиве детективу романистка прочила авантюристку Веру Русакову (любопытно, что Пуаро испытывает привязанность к Вере, имя которой в русском языке означает доверие – то, что сыщик высмеивал в своем компаньоне капитане Артуре Гастингсе). Однако интерес к мадам лишен у Пуаро сексуального подтекста, ему важна, прежде всего, загадка. Детектива восхищают, в первую очередь, не ее внешние данные, но экзотичность, энергия, ум [9, с. 468]. Профессиональный характер «увлеченности» Пуаро Сильвией Уилкинсон в «Смерти лорда Эджвера» очевиден: бельгиец одергивает Гастингса, ударившегося в романтические грезы [10, с. 33].

Впрочем, такая «холодность» необязательно говорит о каких-то «специфических» предпочтениях сыщика, напротив, он, скорее всего, вообще стоит вне какой-либо сексуальной ориентации. Мы видим сочетание как мужских (усы, одежда и пр.), так и женских (аккуратность, домовитость, пренебрежение грубой физической силой, – хотя он служил в бельгийской полиции – страсть к сладкому и т.д.) черт. И все же Пуаро именно по-женски пристраивает к делу все – даже усы, что наглядно показано в фильме

«Убийство в Восточном экспрессе» 1974 г.: горелка для плавки необходимого для усов воска помогла прочесть ценную улику.

Нужно сказать несколько слов о возрасте сыщика. Интересно, что сама Кристи считала: если стар, то сколько тебе конкретно лет – не имеет значения [4, с. 30, 31]. Неопределенность с возрастом Пуаро восходит, возможно, к эпизоду из детства писательницы, когда ее любимая няня отказывалась назвать свои годы, а отец Агаты не смог их угадать [4, с. 29-30]. Хотя уже в «Загадочном происшествии в Стайлзе» бельгиец не молод, в романе «Хикори-дикори», изданном в 1955 г., он назван человеком «средних лет» [13, с. 33]. Кристи была знакома с восточной философией, знала о Лао-Цзы [10, с. 89] – «старом ребенке». В «Хикори-дикори» Пуаро ностальгирует: в юности он дискутировал о теософии и «Синей птице» Метерлинка 1908 г. [13, с. 49] – под чтение теософских трактатов прошла и молодость Кристи [4, с. 238]. Получается, возраст сыщика примерно соответствовал возрасту его создательницы.

Относительно национальности Пуаро. Известно, что он был бельгийцем по происхождению, однако его постоянно называли французом. Во времена «рождения» Пуаро был лишь один человек, бельгиец по отечеству, но француз на государственной стезе – Поль Дешанель, будущий президент Франции 1920 г. Он носил усы, как и Пуаро, «не одобрял убийство» – в его краткое президентство не было казненных [25, р. 245] (в рассказе «Сон» указано, что для преступления нужны «преступные наклонности» – были ли они у самого сыщика, преступившего закон в романе «Занавес»? [9, с. 580]). И все-таки попытки установить «родину» Пуаро нам кажутся бесполезными – в «Большой четверке», говоря о брате сыщика, Кристи отмечает, что он вернулся в страну выдумок [6, с. 188]. Думается, там дом и нашего детектива.

В произведениях Кристи, кроме Пуаро, есть и другие европейцы-иностранцы. Проводя различие между ними и англичанами, бельгиец подмечает особенность: по вечерам на его родине люди сидят в кофейнях, в Англии же – нет [5, с. 143]. Разнообразие «чужих» наблюдаем в «Хикори-

дикори», где описывается студенческое общежитие: греки, итальянцы, голландцы, французы, американцы, индийцы, японцы, сингапурцы, турки, египтяне [13, с. 8, 17, 32, 33, 34, 35, 82]. Несколько коробит, когда Кристи отзывается об итальянце, вспоминая обезьян. «Обезьяньими» [9, с. 248] обозвала она и ужимки Пуаро – в ее время за иностранцами замечали черты мартышки, «недочеловека». А в другой раз измененным именем китайца из «Затерянного прииска» Фу-Линг называют пекинеса [11, с. 288]. При этом Кристи, видимо, для отвода глаз, заставляет миссис Хаббард заявить, что она не допустит расизма [13, с. 25].

Дж. Бернталь удивляется: хотя Пуаро прекрасно говорит по-французски, некоторые англичане упорно называют его итальянской фамилией Parotti [17, р. 154]. Странного в этом нет, ведь многие итальянцы владеют французским. В Швейцарии официальных языков вообще несколько: итальянский, французский, немецкий, романшский (в «Пуаро Агаты Кристи», в серии «Дама в вуали», бельгиец как раз и выдает себя за швейцарца). В связи со Швейцарией Кристи припоминает историю близкой приятельницы, решившейся на операцию на шее [4, с. 215] – этот эпизод она «пересадит» в роман «Объявлено убийство».

Говоря об этом произведении, следует отметить, что кухарка Ханна из экранизации романа 1984 г. с Джоан Хиксон в роли мисс Марпл была позаимствована создателем фильма Аланом Платером из биографии Кристи – так звали кухарку одной из бабушек романистки [4, с. 60, 61, 148]. Похоже, Ханна прибыла в Англию из-за «железного занавеса». Еще один пришелец оттуда – Рекс Фортескью (имя встречается в «Острове пиратов» Гарри Коллингвуда (У. Дж. Ланкастера) [21, р. 52-54, etc.]) из «Зернышек в кармане» («Карман, полный ржи», «A pocket full of rye»). Его настоящая фамилия – Фонтеску (Fontescu), указывается, что его семья происходит откуда-то из Центральной Европы [27, р. 145]. Уточним, что его родиной, по-видимому, было Королевство Румыния. «Зернышки в кармане» вышли в 1953 г., а в 1940 г. в Румынии у власти оказывается диктатор Ион Антонеску, свергнутый в 1944 г.

Но, как кажется, здесь более подходят события 1947 г., когда король Михай I отрекся от престола. Была учреждена Республика, несогласные иммигрировали.

Пусть миссис Хаббард и «не допускает расизма», но в «Зернышках в кармане» отпрыск иностранца Фонтеску предстает не в лучшем виде. Совершаемые им злодеяния отличает особая изощренность. Поставившая на поток «производство» романов, Кристи однако же выходит за рамки «ремесленности», демонстрируя, как и в «Десяти негритятах», весьма извращенное чувство юмора. По сюжету одна из жертв оказывается убита, развешивая белье, – ей на нос преступник прицепил прищепку. В этой жутковатой «игривости» есть смысл: убивая свидетеля, душегуб как бы «стирал» свое «грязное белье». Эпизод уже привлекал внимание в связи с темой животных в детективной литературе [24, р. 15] (затронули творчество Кристи в «экологическом разрезе» и мы [1, с. 57-58 и пр.]), однако считаем необходимым сказать о нем несколько слов.

Известно, что сцена была вдохновлена детской песенкой о черных птицах (*Sing a song of sixpence*), в которой птаха отщипнула фрейлине нос. В опубликованном в 1951 г. «Оксфордском словаре детских стишков» данный эпизод трактовался как смерть – птица, клюющая женщину, объявлена демоном, похищающим душу [26, р. 394-395]. Кристи несколько раз включала песенку в свой детективный репертуар [1, с. 220], Марк Чарлтон-Кингз обратил внимание на строки из «Двенадцатой ночи»: «Мы ждем. Вот тебе шестипенсовик. Заводи песню» (*Come on, there is sixpence for you; let's have a song* [19, р. X]). Возможно, это толкнуло любившую Шекспира романистку к использованию «шестипенсового» мотива.

Несмотря на то, что Кристи не любила кровь (от ее вида однажды стало плохо [4, с. 273] – как и злодею Нортону из ее романа «Занавес»), насилие предстает «во всей красе». Пришпиленная к бельевой веревке жертва наводит на мысль о «модифицированной» виселице. Этот впечатляющий, но дешевый трюк более подходит для триллера, в дальнейшем он будет заимствован авторами, работающими в жанре ужасов (*creeps*): на обложке сборника

«жутких» историй британца Чарлза Л. Биркина «Dark Menace» 1968 г. мы видим развешанные по принципу сушащегося белья фигуры.

Назад – к народам. Достаточно места уделяется евреям. В «Смерти лорда Эджвера» Кристи описывает богача еврейского происхождения. Она обращает внимание на его руку, похожую на птичью лапку [10, с. 108] – предмет, который, по ее признанию, вызывал у нее негативные чувства [4, с. 486]. Но романистка любила Библию, Ветхий Завет, история об Иосифе и его братьях отразилась, например, в «Береге удачи» [5, с. 15 и др.]. Пораженный в лоб Нортон из «Занавеса» заставляет вспомнить Давида и Голиафа [4, с. 52]. Смертельное ранение располагалось у Нортон, убитого Пуаро, посередине лба – как «каинова печать», которую поставил грешнику Бог. Не возомнил ли себя бельгиец в конце карьеры Самим Создателем?

Иностранцы прибывали в Англию из разных стран. Путешествия в целом играют в творчестве Кристи знаковую роль – вот и «Автобиографию» она начинает со сцены в «заморском» Ираке [4, с. 5-8]. В одной из поездок она посетила кладбище, что оставило в ее тогда еще юной душе сильный эмоциональный след [4, с. 98] – жизнь романистки навсегда окажется связанной с «траурной» тематикой. Действие многих ее романов происходит во время путешествий – «Убийство в Восточном экспрессе», «Убийство в Месопотамии», «Смерть на Ниле», «Свидание со смертью», «Дорога на Багдад», «Место назначения неизвестно», «Пассажир до Франкфурта» и пр.

Гудок поезда представлялся ей предсмертным криком [4, с. 473], открывающим путь к таинственной загадке. Безусловно, иноземные пейзажи не только становятся фоном для ее сюжетов, но и способствуют развитию интриги. Но поездка для Кристи – нечто большее, чем просто развлечение, не зря же Пуаро уподобляет истину свету, который видит пассажир поезда, выезжающего из тоннеля. Концепт «путешествие» используется ей в переносном смысле, например, в романе «Немезида» (1971 г.). Его можно назвать своего рода вариацией произведения «После похорон» – расследование в нем проходит после смерти богатого миллионера мистера Джейсона Рэффиела.

Мы видим, как человек может влиять на жизнь из мира мертвых. «Немезида» – позднее, весьма философское произведение уже далеко не молодой писательницы, сложно сказать, был ли «загробный» мотив продиктован ее собственными размышлениями над посмертной судьбой своего наследия. Британский критик Роберт Барнард высказывался об этой вещице весьма критически [16, р. 201], однако она интересна скрытым подтекстом. В отличие от многих других историй Кристи, мотив здесь не связан с материальной выгодой – как и в «Спящем убийстве», замешаны чувства. Необычна «конструкция» романа, который представляет собой путешествие по садам и паркам с целью выяснить информацию о прошлом сына Рэфиела и его отношениях с Верити Хант. Мисс Марпл следует подсказкам, инструкциям мистера Рэфиела, что напоминает игру или квест. Как и в «Печальном кипарисе» и «Миссис Макгинти с жизнью рассталась» (Пуаро), есть сомнения в виновности обвиненного в убийстве.

«Немезида» наполнена аллегориями, в ней под видом «путешествия» описывается путь к Правде – так переводится имя Верити (Verity). Когда мисс Марпл приближается к истине и находит место захоронения девушки, цветы над ее могилой начинают цвести. Примечательно, что цветы эти – фаллопия (*Polygonum baldschuanicum*) – используются как быстрорастущее растение для маскировки заборов и пр., здесь же прикрытым оказывается нечто большее, чем неприглядный забор. «Polygonum» в переводе с латыни означает «многоугольник» – намек на хитросплетение отношений в романе. Плетущиеся растения в метафорическом смысле использовались Кристи для обозначения чего-то негативного, вредного, смертоносного [1, с. 165]. Интересны «говорящие» фамилии: мисс Марпл опекают женщины «Тачка» (Barrow) и «Кук» (Cooke) – знаменитое туристическое бюро. Героиня Антея (Anthea) названа в честь античного Антея, имевшего силу от матери-земли, мисс Темпл (Temple) – намек на парковую архитектуру.

Символизм «Немезиды» решили ярче обозначить в атмосферной экранизации романа Би-би-си 1987 г., путь к правде здесь назван

паломничеством (pilgrimage). Сын мистера Рэфиела, на которого пало подозрение в убийстве, вынужден скитаться, преодолевая сложности и невзгоды. Его испытания имеют черты сходства с сочинением Джона Баньяна «Путешествие пилигрима» 1678 г., в котором душа человека, претерпев испытания, приходит к счастью – Граду Небесному. Вот и выдуманный сценаристами племянник мисс Марпл, Лайонел Пим, произносит фразу об «осколке рая».

Испытав многое, сын мистера Рэфиэла оказался оправдан и получил богатое наследство. «Немезида» очень близка к традициям аллегорических описаний бытия человека как паломничества, религиозных трактатов XVI-XVIII вв. Например, в рассказе британского историка-медиевиста и писателя М.Р. Джеймса «Мистер Хамфриз и его наследство» путь по садовым тропинкам наполняется глубоким онтологическим смыслом [2, с. 176-179]. Обнаруживаем здесь и сказочную струю, мисс Марпл говорит о похороненной под вьюном девушке как о Спящей красавице, дремлющей под розами, а грязный скиталец «расколдовывается» правдой – и превращается в прекрасного принца. «Сказочное» не только показывает «литературность» происходящего [15], Кристи думала над предметом, анализировала сказки с точки зрения пугающего, страха [4, с. 58-59].

Еще одно путешествие, которое совершает читатель книг Кристи – путешествие в прошлое. Иногда оно – убежище, «самое подходящее место для жизни» [12, с. 246]. Автор придавала большое значение истории, у нее мы сталкиваемся с манифестацией разных эпох и стилей, а человек ее времени, кажется, не далеко ушел от Эхнатона или Шекспира. Зная историю, вполне можно разгадать и шараду, предложенную Кристи. В «Яблоках Гесперид» сокровище оказывается спрятано в монастыре [9, с. 462]. Когда Оливер Кромвель наступал на земли Шотландии, шотландские королевские регалии были укрыты в церкви [18, р. 40]. Похожая хитрость использована в «Смерти на Ниле» (жемчужины оказались припрятаны в католических четках) и в рассказе «Святое место».

Влияние Шекспира на творчество Кристи бесспорно, у нее вообще много литературных аллюзий [1, с. 58, 96, 193-194, 232, 262; 15]. Согласимся: работы Кристи тесно связаны с барочной литературой – у нее все не то, чем кажется [15], что подметили и мы [1, с. 109]. Объединяя разнородные «детали», указывая на зыбкость бытия, испытывая страх неопределенного и т.д., Кристи воскрешает дух Барокко, который может возродиться в любую эпоху [3, с. 110]. Творения писательницы содержат отсылки не только к Шекспиру, но и к иным представителям шекспировского театра, например, Джону Флетчеру и Фрэнсису Бомонту [1, с. 58]. В «Спящем убийстве», как нетрудно догадаться, является «Герцогиня Мальфи» [11, с. 21-22] Джона Уэбстера (1623 г.). Прибавим, что в другой его трагедии – «Белый дьявол» – злоумышленники переодеваются монахами. Похожим образом действует и мошенник в «Убийстве в Месопотамии», представший в облике монаха отца Лавиньи.

Кристи не только использует шекспировские аллюзии, но постоянно применяет общие характерные для шекспировского театра приемы: устранение мужа с целью нового супружества («Смерть лорда Эджвера»), двоеженство («Раз, два – туфлю застегни», «В 4.50 из Паддингтона»). Явления «призраков» в «Трагедии в Марсдон Мэнор», «Мести фараона», «Загадке Эндхауза» отсылают к «тени отца Гамлета», а мнимые «смерти» с «воскрешением» в «Приключении рождественского пудинга», «Большой четверке», «Желтом ирисе», «Десяти негритятах» и пр. имеют не только христианский подтекст, но и явно взяты из репертуара круга Шекспира.

Кристи демонстрирует знание истории шекспировского театра в романе «Отель "Бертрам"» – она превращает гостиницу в театральные подмости, на которых актеры-преступники *ala Fantômas* разыгрывают представление: во времена Шекспира труппы выступали на постоянных дворах [22, p. 35, etc.].

Многое из написанного автором по своей форме больше походит на пьесы (Грегг – фамилия актрисы из «И в трещинах зеркальный круг» 1962 г. увековечила имя ставившего в 1950-1960-х гг. пьесы Кристи Хуберта Грегга), все происходит в ограниченном пространстве – палуба корабля, вагон поезда

стали сценами для трагедий.

Путешествие, отдых в сельской местности присутствует и в одном из самых символических романов Кристи – «Лощина» (1946 г.). В нем чувствуется лирический настрой, он выполнен в печальных красках осени. Пуаро прибывает в поместье Энкейтлл (фамилия знакомых писательницы [4, с. 207-208]), где происходит убийство. В дальнейшем роман был переработан в пьесу – в нем действительно много сценического, того, что хорошо бы смотрелось на сцене. К области тонких материй, экстрасенсорики относятся упоминания жизненной силы, передающейся от человека к человеку [12, с. 224]. Метания героини, размышления над темой отчаяния, греческая мифология [12, с. 209, 210, 329] выкладывают сложную мозаику произведения. Крик совы, символика паутины [12, с. 348, 379] (перейдет в пьесу «Паутина» 1950-х гг.) создают мрачную атмосферу. Тут важны невербальная информация, цвет, жесты – метко, через одно только движение, Кристи выразила сущность леди Энкейтлл, безжалостно срезавшей ветку [12, с. 321]. Значим концепт воды: текучая – жизнь, недвижимая гладь бассейна на месте преступления – смерть.

В пути турист проезжает множество мест, городов. Так, в одном из сюжетов Пуаро был назван мистером Пуатье (Poitier) – в честь города во Франции, в другой раз он представлен как Понталье (Mr Pontarlier) – подобно городу Понтарлье во французском регионе Франш-Конте. Марианна Жозефина Понталье появляется и в романе «Слоны умеют помнить» [20, р. 52]. А вот за именем для своего злодея из «Загадочного происшествия в Стайлзе» романистка не стала отправляться в дальние края – фамилия Инглторп (Inglethorpe) происходит, по-видимому, из Кента (известный род, владельцы Селинджа, XV в.) [23, р. 308] («Инглторп» мог появиться у Кристи и в связи с улицей Инглторп-стрит в лондонском Челси и Фулхэм).

Прельщали Кристи экзотические страны, визиты в которые могли закончиться весьма печально. В одной из поездок писательница сильно заболела, начала бредить – преследовало видение рыбной лавки [4, с. 458-460]: принятые за бред слова умирающего о рыбе станут «изюминкой» рассказа

«Отпечатки пальцев Святого Петра» с мисс Марпл. А дерматит героя в рассказе «Мечь фараона», которым он заразился в южных морях, похож на проявившуюся у самой Кристи экзему. Экзотична не только природа, но и традиции жителей дальних стран. Пуаро уверен, мотивов африканца «никогда не постичь» [13, с. 80]. Но писательница скептически относится и к «цивилизованному» Западу, в «Береге удачи» бельгиец иронизирует над фразой об африканских дебрях, где человек может потеряться: то же самое можно сказать и о Пикадилли-Серкус [5, с. 14].

Статус Великобритании как колониальной державы-эксплуататора отразился в «Десяти негритятах»: убийства происходят на острове специфических очертаний – будто в голове у чернокожего. «Негритята» появились тут не только в связи со считалкой, в английском языке под «негром» также подразумевали тайное обстоятельство и шоколадный десерт. А вот в «имени» безымянного А.Н. Онима нельзя не разглядеть отзвуки «Таинственного острова» Жюль Верна с его капитаном Немо. В смерти судьи Уоргрейва, выступившего в роли обвинителя и палача, есть сходство с кончиной судившего злодея и приговорившего его к смерти в «Занавесе» Эркюля Пуаро. Слышится в «Десяти негритятах» и отголосок книги об «островном» преступлении «Зло под солнцем»: судья, как и злоумышленница в романе, притворяется мертвым. Кристи воскрешает миф о Минотавре – остров, жаждущий крови зверь, скрывающийся в доме, современном лабиринте.

Путешествие может быть и не слишком масштабным, охватывать лишь одну комнату. Так происходит в рассказе «Кукла в примерочной» из сборника «Последние дела мисс Марпл»: на обложке первого издания – незаконченное вязание, как аллегория незавершенной карьеры мисс Джейн. «Кукла в примерочной» 1958 г., не связанная с циклом о Марпл, явно написана в мистическом ключе, очевидно, выбивается из созданного писательницей. Конечно, Кристи не в первый раз обращается к мистическим сферам, однако это единственное ее произведение, события которого целиком вращаются вокруг куклы.

Образ куклы-игрушки в литературе анализировался [14, с. 100], но не столь подробно. В нашем случае мы имеем дело с паранормальной активностью, когда невеста откуда взявшаяся игрушка начинает передвижение по комнате ателье [11, с. 285-306]. «Примерочной» темы писательница уже касалась – в рассказе «Мерка смерти» 1942 г. В рассказе 1958 г. Кристи умело нагнетает напряжение, мы не знаем, что это за кукла, какое у нее прошлое: все это покрыто тьмой неизвестности. Читатель ожидает чего-то страшного, но ничего подобного не происходит, Кристи не раскрывает тайну необычной гостьи манекенщиц – недосказанность придает всему особенную прелесть. Избавляясь от пришельцы, героиня выбрасывает ее из окна: ранее, в 1938 г., в рассказе «Сон» брошенную на землю игрушку подбирает не ребенок, как в «Кукле», а Эркюль Пуаро [9, с. 579-580].

Рассказ о кукле-путешественнице кажется бесхитростным, особенно на фоне многочисленных гораздо более впечатляющих баек о пугающих игрушках. Стремление поместить куклу в примерочную – вполне логичный порыв, ведь портнихи часто пользуются куклами-манекенами. В 1950 г. американский автор Роберт Блох, позже прославившийся благодаря «Психо» Альфреда Хичкока, опубликовал рассказ «Станный портной», в котором оживает портняжный манекен. В «Кукле» подозревают, что кто-то передвигал фигурку с определенной целью [11, с. 292] – как в случае с «Десятью негритятами» или «Восковыми игроками» из сборника 1954 г. «Подвиги Шерлока Холмса» Джона Д. Карра и Адриана К. Дойла.

Кристи сама наполняла тему «темным» смыслом, в «Происшествии в море» обращалась к «кукольному» реквизиту в связи с убийством [1, с. 209-210], черная магия и нечто вроде куклы-вуду есть и в «Зле под солнцем», безобразная игрушка появляется в «Щелкни пальцем только раз» [7, с. 79]. В истории 1958 г. внешне отталкивающий предмет оказывается безобидным. Единственное, что нужно героине – чтобы ее любили (кстати, «куклами» называли и посетительниц модных салонов). Пережившая предательство чувств в личной жизни, и позже с удовольствием расправившаяся с неверными

любовниками в пьесе «Крысы» 1962 г., романистка затрагивает в «Кукле» проблемы обманчивости внешности и одиночества.

Агата Кристи свою профессиональную карьеру посвятила жанру тайн и интриг, ее жизнь сама осталась во многом загадкой. Мы еще раз показали, что и «проходные» произведения Кристи содержат богатый материал для размышлений, малую прозу нужно активнее привлекать для интерпретации авторских установок романистки. Ее работам присущи символизм и образный язык, отражающий многообразный внутренний мир персонажей. Истории Кристи имеют «двойное дно», скрытый подтекст, который нужно «прочитать». В ее детективах заметен буржуазный мистицизм, однако она пошла дальше него. Все взаимосвязано, за зримым скрыто незримое, звучат вопросы о смысле существования. Кристи экспериментировала, использовала «черный юмор», сочетала черты разных жанров.

Писательница умела найти таинственное в обычных повседневных делах, немало вдохновения дарили ей путешествия, занимавшие в ее творчестве видное место. Обилие автобиографического материала в детективах Кристи говорит о том, что она гораздо серьезнее относилась к написанному – не только как к литературе, забаве, но и как к чему-то близкому к реальности. Нахождение в пути как бы само собой предназначено для детективной интриги, вдали от цивилизации и квалифицированного расследования скорее можно скрыть преступление. Следуя в русле шекспировской традиции, романистка не могла обойти тему путешествия, ибо «Весь мир – театр». Подобно режиссеру, Кристи использует многообразный арсенал средств, через осязание, обоняние, слух и вкус втягивая читателя в действие.

Живя в сложное время перемен, Кристи стала современницей войн, гибели государств, революций, порождавших миграционные потоки. Преодолевая ксенофобию, в своих книгах романистка старалась выказать уважение к «чужим», что получалось, увы, не всегда. Несмотря на «инаковость», прибывшим в Великобританию иностранцам все же удавалось встроиться в британскую систему, как это сделали, например, Фортеस्कью-

Фонтеску или хитрец-сыщик Эркюль Пуаро.

Пуаро, наделенный чертами героя авантюрно-плутовского романа, впитывал жизненный опыт автора, развивался и рос вместе с ней. Кристи не особо жаловала бельгийца, ей, как она признавалась, пришлось таскать за собой сыщика из романа в роман, как «карлик свой горб» [4, с. 328] (человек с пышными усами преследовал ее и в знаменитой «Мышеловке» [5, с. 240]). Немногие уловили истинный смысл этого замечания – бельгиец стал частью, продолжением писательницы, подобно наросту на теле.

Список литературы:

1. Богатырев А.В. Энциклопедия Эркюля Пуаро. М.: Перо, 2021. 282 с.
2. Джеймс М.Р. Встречи с привидениями. М.: Терра – Книжный клуб, 1999. 352 с.
3. Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. М.: Прогресс, 1984. 430 с.
4. Кристи А. Автобиография. М.: Вагриус, 2001. 637 с.
5. Кристи А. Берег удачи. Мышеловка. Свидетель обвинения. М.: АСТ, 2004. 395, [5] с.
6. Кристи А. Большая четверка: романы. М.: Центрполиграф, 2002. 604 с.
7. Кристи А. Врата судьбы: романы. М.: Центрполиграф, 2002. 493 с.
8. Кристи А. Печальный кипарис. М.: АСТ, 2003. 284, [4] с.
9. Кристи А. Подвиги Геракла: роман, рассказы. М.: Центрполиграф, 2003. 605 с.
10. Кристи А. Сборник романов. М.: Рипол, 2003. 768 с.
11. Кристи А. Спящее убийство. Последние дела мисс Марпл. М.: АСТ, 2003. 312 [8] с.
12. Кристи А. Тайна «Голубого поезда»: романы, рассказы. М.: Центрполиграф, 2003. 495 с.
13. Кристи А. Хикори-дикори. По направлению к нулю. М.: АСТ, 2004. 444, [4] с.
14. Подавылова И. А. Игрушка в художественной литературе XIX-XX вв.

// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 8. С. 96-101.

15. Поринец Ю.Ю. Литературные аллюзии в детективных романах Агаты Кристи // Филология: научные исследования. 2022. № 8. С. 73-86.

16. Barnard R. A talent to detective – an appreciation of Agatha Christie. New York: Dodd, Mead, 1980. 213 p.

17. Bernthal J.C. Agatha Christie: A companion to the mystery fiction. Jefferson, NC: McFarland, 2022. 447 p.

18. Burnett C., Tabraham C. The honours of Scotland. Edinburgh: Historic Scotland, 1993. 57 p.

19. Charlton-Kings M. A Pocket full of wry: Short stories from around my world. Morrisville, NC: Lulu Press, 2018. 228 p.

20. Christie A. Elephants can remember. London: HarperCollins, 1993. 218 p.

21. Collingwood H. The pirate island. London: Blackie and Son, 1885. 339 p.

22. Dutton R. Shakespeare's theatre: A history. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, 2018. 366 p.

23. Hasted E. The history and topographical survey of the County of Kent. Canterbury: W. Bristow, 1799. Vol. VIII. 555 p.

24. Hawthorn R., Miller J. Origins and evolutions: The brutal history of detective fiction // Animals in Detective Fiction. London: Palgrave Macmillan, 2022. P. 1-24.

25. Jones B. Dictionary of world biography. Canberra: ANU Press, 2021. 985 p.

26. Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of nursery rhymes. Oxford: Oxford University Press, 1951. 467 p.

27. Taylor A.-M. Home is where the hearth is: The Englishness of Agatha Christie's Marple Novels // Watching the Detectives. London: Macmillan, 1990. P. 134-151.

Сведения об авторе:

Богатырев Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Тольятти, Россия).

Data about the author:

Bogatyrev Arseniy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (Togliatti, Russia).

E-mail: sob1676@yandex.ru.